

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

КУЛИКОВА О.Б., канд. филос. наук

Рассматриваются основные проблемы становления и исторического развития института науки в России в аспекте ее взаимоотношений с православной церковью, роль которой представляется неоднозначной. Подчеркивается, что данные институты только на основе взаимодополнительности способны выполнять позитивные функции в обществе, особенно в эпоху кризиса.

Ключевые слова: : наука, православная церковь, образование, институт науки, кризис.

INSTITUTIONAL RELATION ANTI-PATHY BETWEEN RUSSIAN SCIENCE AND CHURCH

KULIKOVA O.B., Ph.D.

The article concerns the basic problems of establishment and historical development of science in Russia in the aspect of its correlation with orthodox church, which role is not simple. These institutions are able to fulfil positive functions in society especially during crisis only on the basis of complementarity.

Key words: science, orthodox church, education, science institution, crisis.

Наука в России возникла, как известно, в условиях, которые нельзя считать адекватными ее социальному назначению и внутренним характеристикам. Ее культурно-историческая аномальность в России XVIII в. была подчеркнута почти полным безразличием или недоверием к ней со стороны многих устоявшихся общественных институтов. Православная церковь была среди них, оказывая серьезное идеологическое и административное воздействие на новый феномен общественной жизни.

В европейском обществе наука стала по сути концентрированным выражением рационалистического духа эпохи Нового времени. Возможность ее существования как специфической сферы общественной деятельности была обеспечена укреплением в сознании новоевропейского человека установок на внеисторичность, бесстрастность, объективность разума. Наука стала общественным институтом, главной задачей которого было определено постоянное получение, организация и хранение особого знания. Это знание должно, как представлялось, сохранять вневременную значимость, не должно зависеть от культурно-национальных и иных особенностей субъекта познания, могло быть принято и понято любым носителем разума. Уверенность в достижимости такого знания выступала движущей силой развития науки и обретения ею статуса универсального эксперта в принятии различных решений.

Следует отметить, что наука формировалась как некоторый духовный противовес настроениям индивидуализма, зародившимся еще в русле гуманистической мысли эпохи Возрождения, как некая компенсация общественного сознания. Наука как бы взяла на себя функции объединительной социальной подсистемы, специфической основы взаимодействия индивидуальных духовных миров. Идеологической предпосылкой утверждения этой но-

вой формы духовной жизни можно считать развиваемый в позднее средневековье тезис о двойственной истине. Он позволил постепенно, шаг за шагом укрепиться знанию и познанию объективно-доказательного характера, а в перспективе – свободомыслию как таковому.

В России наука не имела сходных условий для своего формирования. Безусловно, что реформы Петра I и, прежде всего, организация академии наук по западному типу с приглашением десятка лучших ученых Европы не могли не послужить мощным толчком к последующему рождению национальной науки. Но при этом наука на русской почве изначально приобретала особые черты, которые кажутся несовместимыми с самой ее сутью. В первую очередь имеются в виду такие важные аспекты ее институционализации и развития, как практическое применение научных знаний, органичная согласованность установок научной деятельности с особенностями национального менталитета, который, по крайней мере, мог бы принимать новизну как норму, а не аномалию. Но именно это не обнаруживалось в жизни российского общества к моменту «введения» в нем науки.

Самым удивительным является то обстоятельство, что для русского менталитета принципы рациональности никогда, в общем-то, не были характерны как существенные, определяющие. Скорее всего, можно говорить о его иррациональности. Духовный склад русского человека определяла в большей степени вера в ее широком смысле, объединяющем в себе как религиозные, так и нерелигиозные разновидности – вера в идеалы, авторитеты, светлое будущее, а позднее – даже в науку. Довольно ярко выраженная иррациональность так называемой русской души укоренена в образе жизни и культуре общества, сформировавшегося в постоянной, часто трагической раздвоенности между мирами Востока и Запа-

да. И, может быть, благодаря этому свойству России удавалось сохранять свою самобытность, несмотря ни на какие исторические катаклизмы и внешние влияния.

В начале XVIII в., ко времени учреждения Петербургской академии наук, в России основная масса населения не только не владела грамотой, но и чаще негативно была настроена к людям образованным. Неприязненное отношение к грамоте было связано с убеждением, что многие познания ведут к гордыне, а также одновременно с неприятием всего европейского. В европейской науке и образованности виделись главные опасности для существования вековых православных устоев. Невнимание светской и духовной власти в допетровскую эпоху к проблемам просвещения и образования, включая богословское, обусловило то, что в политической и конфессиональной полемике с Европой Россия постоянно проигрывала. И особенно сильное западное давление на все стороны жизни испытывали южные окраины страны, которые, в свою очередь, граничили с украинскими землями, зависимыми вплоть до середины XVII в. от католической Польши.

Украинская православная церковь, существенно ограниченная в своих правах, вынуждена была уделять самое серьезное внимание защите основ своего вероучения. Задача отстаивания отцовской веры в споре с католиками и униатами решалась путем создания православных школ, и главное, – Киевской (Могилянской) духовной академии. Последняя стала весьма значимым противовесом влиянию западных христианских конфессий. Академия при Киево-Печерском монастыре сыграла чрезвычайно важную роль не только в деле укрепления православия в украинских землях, но и в учреждении духовных учебных заведений в России. Со времени основания Киевской академии Петром Могилой ее воспитанники свободно знакомилась с достижениями западноевропейской научной и богословской мысли как в ее собственных стенах, так и в монастырских и университетских центрах Европы.

Феофан Прокопович, ставший впоследствии ближайшим сподвижником Петра I, еще до своего пострижения в монахи и начала преподавательской деятельности в Киевской академии семь лет странствовал по Европе, где, как в свое время и П. Могила, прошел курсы обучения в крупнейших монастырских школах (униатских и католических). Он получил блестящее европейское образование, благодаря которому смог не только укрепиться в православной вере, но и стать одним из первых и выдающихся российских просветителей, принявших активное участие в организации школ, библиотек, в написании и издании многих первых учебников в России. Стал он и реформатором русской православной церкви. Он же

покровительствовал впоследствии М.В. Ломоносову. О высоком уровне образованности и передовых взглядах Ф. Прокоповича говорит тот факт, что он был одним из немногих среди православного духовенства того времени сторонников и пропагандистов гелиоцентрической концепции. Будучи еще главой Киевской духовной академии, он ввел там такие новые дисциплины, как физика, арифметика, геометрия, в основе которых лежали идеи как античных натурфилософов, так и создателей классической физики и астрономии – Коперника, Бойля, Галилея, Тихо Браге.¹ Однако Ф. Прокопович воспринимался русским обществом, служителями церкви в том числе, как агент западного (чужеродного) влияния, о чем говорит история его отношений с властью: опала после смерти Петра и упрочение положения при Анне Иоанновне.

Появление школ в России как очень важной предпосылки для приобщения населения к знанию, к книге осложнялось фактическим саботажем со стороны и местных властей и священнослужителей, несмотря на решение, принятое еще Стоглавым собором (1551 г.), об открытии училищ в домах священников. Это решение соблюдалось, да и то весьма слабо, только в городах и чаще в отношении лишь детей самих священников. О массовой неграмотности православных священников даже в начале XIX в. свидетельствуют многие факты, включая соответствующие отчеты Синода.²

Известно, что еще в 1640 г. П. Могила присылал в Москву предложение о помощи в основании монастырской школы, где монахи учили бы «грамоте греческой и славянской». Это предложение осталось без внимания. Приехавший по приглашению царя Алексея Михайловича в 1645 г. из Киева преподаватель, рекомендованный иерусалимским патриархом, был использован лишь как переводчик с греческого.³

Учрежденная в 1687 г. Славяно-греко-латинская академия в Москве стала, особенно в начале, не столько учебным заведением, сколько центром борьбы так называемых греческой и латинской партий. Победившая греческая партия во главе с патриархом весьма ревностно стала очищать академию от всего, что казалось враждебным православию, особенно это касалось книг, многие из которых были просто уничтожены. Академия вскоре добилась для себя цензурных прав, а среди них права на разрешение деятельности домашних учителей. Преподавались в основном языки и богословие. Сопротивление первоначально встретила попытка ввести философию, логику и физику (даже по Аристотелю).

Академия наук с самого начала своего существования оказалась достаточно автономной по отношению к церкви и другим институтам структурой, не будучи подчиненной

даже Сенату. Она находилась под непосредственным покровительством императорской власти (и содержалась, как известно, на доходы с таможенных сборов); членами ее преимущественно были иноверцы. При этом Академия наук в течение всего XVIII в. была фактически «разменной монетой» в политических играх, связанных с частыми дворцовыми переворотами. Вплоть до середины XIX в. Академия была на грани «смерти», ее периодически «возвращения к жизни» осуществлялись посредством привлечения очередной группы иностранных ученых из Европы.⁴ С другой стороны, и само академическое сообщество не оказывало на другие социальные институты сколь-нибудь заметного влияния.

Иначе обстояло дело с образовательными учреждениями (от начальных школ до Министерства просвещения), которые находились под непосредственным контролем православной церкви. Более того, в 1817 г. было создано единое министерство духовных дел и просвещения, а главой его стал бывший обер-прокурор Синода князь А.Н. Голицын. Именно он, будучи в этой должности, выдвинул лозунг «Против учености без веры в Бога». Правда, лозунг этот нельзя рассматривать как открытое наступление на науку, как призыв к гонениям против ее деятелей. Скорее всего, речь шла именно о недопущении влияния иноверцев на систему просвещения и образования, об укреплении в ней духа православия.

Университетское же образование менее контролировалось со стороны церкви. Российские университеты учреждались не духовной властью, а светской – правительством и Академией наук. Там изначально, в отличие от университетов Европы, не было и богословских факультетов. Но при этом спрос на университетское образование в России достаточно долго, вплоть до начала XIX в., был низким, в связи с чем для обучения в университеты часто вербовались студенты духовных семинарий. Православная церковь использовала такую ситуацию для обоснования вмешательства в некоторые университетские дела. Вмешательство иногда принимало весьма специфические формы: например, в Московском университете обучение на медицинском факультете проводилось по рекомендации церковных инстанций не с помощью анатомических опытов, а на таблицах; в Казанском университете был зафиксирован случай захоронения экспонатов анатомического кабинета по православному обряду.⁵

В целом именно светская власть в большей степени определяла научную и образовательную политику. Русская православная церковь исторически оказалась в совершенно иных отношениях с государством, чем церковь западная. Духовная власть в России институционализировалась вместе с властью княже-

ской, играя чрезвычайно важную роль в сдерживании междоусобиц, в организации усилий для борьбы против татаро-монгольского ига, а позже в возвышении Московского княжества. Средоточием духовной жизни в средневековой Руси были церковные центры при резиденциях великих князей, а затем царей. Именно православная церковь огромные усилия затратила на обоснование идеи русского самодержавия, оказавшись при этом, начиная с Ивана IV, в существенной зависимости от самодержцев.⁶

Неоднозначным, с другой стороны, было отношение самих русских ученых к православной церкви. Для первых представителей научного сообщества в России было важнее утвердиться именно как профессионалам в системе академии наук, по большей части среди иностранцев. Будучи почти невостребованными обществом, в дальнейшем российские ученые помимо собственно профессиональных задач постоянно пытались обосновывать свою социальную полезность. Эти попытки выражались в поиске связей с коренными интересами народа, который наделялся чертами глубокой приверженности православию. Именно это обстоятельство в большей степени привлекало некоторых ученых к православной вере.

Первые русские ученые в основном были представителями дворянского сословия, что наложило свой отпечаток на отечественную науку. В нее, точнее в ее этические нормы, был перенесен дух дворянского кодекса чести с его патриотической настроенностью, возвышенным отношением к службе на благо всего общества. Разночинцы на этом фундаменте построили более определенную, ориентированную на активную практическую деятельность систему, где нравственный долг перед народом преобразился в решение проблемы его освобождения от рабства, главным препятствием чему считалось самодержавие.

Одержимость идеями просветительства и служения народу, охватившая многих представителей университетской науки, а затем активно воспринятая разночинным студенчеством, обусловила социально-исторический феномен русской интеллигенции. Та часть русской научной интеллигенции, которая не восприняла радикализм революционеров-народников и предпочла вносить вклад в совершенствование жизни своей профессиональной деятельностью, отличалась большой активностью в области богоискательства, просветительства, создания науки, несущей в себе специфические национальные черты. Эта часть научной элиты или демонстрировала индифферентное отношение к православию, или гармонично сочетала в себе приверженность и науке и православному вероучению.

Так, Н.О. Лосский отмечал, что для многих русских интеллигентов конца XIX в. характерным было «стремление осуществить своего

рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания».⁷ Наука ими рассматривалась именно как сила, способная приблизить светлое для народа будущее. Другой вариант отношения к науке представлен у русского философа этой эпохи Н.Ф. Федорова. Он создал проект самобытной русской науки, отличной от западной. Особенности такого научного знания виделись им в том, что это должно быть «сельское знание» (не городское), православное знание (обрядово-образовательное, а не фабрично-университетское) и всеобщее знание (не сословное).⁸

Отношение к официальной церкви в конце XIX в. у русских ученых определялось настроениями недовольства в связи с тем, что духовная власть не была готова вести конструктивный диалог по проблемам общественных преобразований, а не в связи с давлением ее на науку. В этот период российские ученые (преимущественно университетские) в большей степени негативно были настроены по отношению к полицейским и цензорским мероприятиям, предпринимаемым государством.

Российская наука, как известно, институционализировалась не один раз.⁹ Первая историческая форма ее становления относится к периоду петровских реформ и до второй половины XIX в., то есть от момента ее «экспорта» из Европы до момента, когда она действительно серьезно заявила о себе в системе мировой науки. Вторично наука утверждалась в России в послеоктябрьскую эпоху уже как институт, находящийся под полным контролем государства (чиновников) и сильным идеологическим давлением. Последнее не шло уже ни в какое сравнение с тем, что оказывалось на науку в XVIII в. Вмешательство в дела научных учреждений со стороны различных партийно-государственных инстанций выражалось не только в регулировании кадрового состава научного сообщества и утверждении «новых» стандартов научности, но и в запретах на некоторые направления исследований, а главное – в репрессиях в отношении части талантливых ученых.

Тем не менее отечественная наука в советский период оказалась вполне способной занимать передовые позиции в системе мировой науки. Не последнюю роль в этом, думается, сыграли как раз те иррациональные основания, которые были присущи отечественной науке со времен ее становления и которые в виде так называемого неявного знания, в виде духовной традиции передавались по эстафете поколений российских ученых.

Системный социальный кризис в России последних двадцати лет XX в. обусловил необходимость новой институционализации науки, означающей самоопределение ее по отношению к новым социальным структурам и к новым идеологическим установкам, включая

установки православия. Наука в целом находится в положении наиболее уязвимо социального института, который не только оказался в ситуации крайне недостаточного внимания со стороны главного учредителя – государства, но и усилившегося наступления антинауки и псевдонауки, распознать феномены которых не всегда бывает просто. Реальная опасность проникновения последних в науку и другие духовные системы осознается в первую очередь научным сообществом, которое пытается противостоять этим явлениям. При Президиуме Российской Академии Наук в марте 1999 г. была создана специальная Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Эти действия не только гарантия самосохранения, но и реальные шаги по выходу из ситуации духовного опустошения.

Следует отметить, что Русская православная церковь направляет много усилий на обоснование и выполнение своей роли как носителя общенациональной идеи в условиях, когда от этого зависит консолидация общества, а значит возможность преодоления кризиса. Она активно заявляет о готовности влиять на все стороны общественной жизни, включая и сферу образования и сферу науки. Главное здесь, как представляется, состоит в том, чтобы тонкая грань между тем, что составляет сущность веры, и тем, что находится в компетенции научного разума, не была нарушена.

Науке изначально объективным ходом интеллектуальной истории человечества была определена особая «познавательная ниша», которая не перекрывает и не отменяет познавательных «территорий» иных исторически сложившихся духовных систем. Принципы научного познания (объективность, рациональность, доказательность и др.) во многом обеспечили науке ее позитивные социальные характеристики, определили ее вклад в общественный прогресс. При этом научная деятельность подлежит определенному контролю со стороны других общественных институтов (морали в первую очередь), но недопустимо навязывать ей несвойственные функции (например, обоснования чудес, толкования знамений), а также ограничивать научный поиск границами чьими-то авторитетными суждениями, указаниями со стороны светской или духовной власти. Понимание этого всеми субъектами институциональных отношений позволит конструктивно разрешать возникающие общественные противоречия.

Примечания

¹ См.: Глухов А.Г. Феофан Прокопович – ревностный поборник просвещения // Университетская книга. – 2000. – № 8. – С. 40–46.

² См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч.2. – М., 1994. – С. 208–209.

³ См.: Милюков П.Н. Ук. соч. – С. 213–214.

⁴ См.: *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 231, 242, 243.

⁵ См.: *Кузнецова Н.И.* Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 55.

⁶ См.: *Киселева М.С.* Древнерусские книжники и власть // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 127–147.

⁷ *Лосский Н.О.* Характер русского народа. – М.: Посев (репринтное издание), 1957. – С. 17–18.

⁸ См.: *Федоров Н.Ф.* Сочинения. – М., 1982. – С. 251–252, 318, 489.

⁹ См. подробнее: *Куликова О.Б.* Проблемы институционализации науки в России: история и современность // Вестник ИГЭУ. – 2006. – Вып. 1. – С. 103–108.

Куликова Ольга Борисовна,
ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
телефон (4932) 26-97-75,
e-mail: philosophy@philosophy.ispu.ru